

Оксана Ташдемир

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ И ЭМОЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ

humanistica 21 2, 169-187

2018

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Оксана Ташдемир

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ И ЭМОЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ

Cognitive aspects and emotions in an artistic text

Abstrakt

Badanie procesów postrzegania i poznania świata przez pryzmat człowieka jest kluczową ideą współczesnego paradygmatu naukowego. Czołową pozycję w ramach paradygmatu antropocentrycznego zajmuje podejście kognitywne, skierowane na wyjaśnianie sposobów poznania świata, procesów myślenia, przechowywania informacji i jej opracowania, utworzenia struktur wiedzy i ich reprezentacji w świadomości człowieka i formach językowych. Rola języka w poznawczych procesach człowieka jest badana zarówno w zakresie językoznawstwa, jak i literaturoznawstwa. Badania tekstów artystycznych w aspekcie kognitywnym obejmuje poetyka kognitywna, która powstała w ciągu ostatnich dziesięcioleci. Odniesienie literatury do rodzajów sztuki i rozumienie utworów artystycznych jako współdziałanie tekstu i odbiorcy jest jednym ze sposobów twórczego poznania świata. Prowadzi on do wydzielania znaczącej pozycji obrazowych środków języka, wśród których metafora jako kognitywny mechanizm kształtowania konceptów znajduje się w centrum uwagi. Artykuł prezentuje wyniki badania kognitywnych aspektów metaforyzacji, związanych z procesem postrzegania i konceptualizacji emocji człowieka, na materiale tekstu artystycznego.

Poddano analizie pojęciowe nasycenie konceptu *miłość* w powieści Sofii Andruchowicz, sposoby jego reprezentacji leksykalnej, a także właściwości indywidualistyczno-autorskiego obrazu świata i unikalnych właściwości specyfiki narodowej. Celem badania jest wyjaśnienie mechanizmów kognitywnych za pomocą semantyki znaków językowych, wpływających na wyznaczenie w odniesieniu do człowieka jego roli w społeczeństwie, podjęcie decyzji we własnych działaniach. Artykuł pokazuje jak działania człowieka zależą od jego interpretacji emocji i wydarzeń.

Słowa kluczowe: poetyka kognitywna, lingwistyka, metafora, koncept, emocje, miłość

Abstract

Study of cognitive processes and human perspective in world perception is the key idea of the modern scientific paradigm. Leading position within anthropocentric paradigm belongs to cognitive approach that focuses on the ways of world perception, processes of thinking, information storage and processing, formation of knowledge structures and their representation in areas of human perception and linguistic units. The language role in human perception processes is being researched in the area of linguistics as well as in the area of literature. Studies of literary texts in cognitive aspect are encompassed by cognitive poetics, which has been formed in recent decades. Reference to literature as to an art and understanding of literary text in terms of an interrelation of a text and a reader represents one of the ways for creative perception of the world, leads to emphasizing on significant position of figurative devices of language, among which metaphor as a cognitive mechanism for creation of concepts is in the center of attention. The article is addressed to cognitive aspects of metaphorization related to perception and conceptualization of human emotions based on material of literary text.

The research focused on informational content of the concept of *love*, described in the novel *Felix Austria* by Sopia Andrukhovych, its lexical representation, the specific features related to the author's individual comprehension of the world as well as unique national features attracting interest from this perspective. The aim of the research is to explore cognitive mechanisms through semantic of linguistic signs, which influence the definition of human role in a society, decision making process, and, consequently, actions. The article shows how the actions of a person depend on his/her interpretation of emotions and events.

Key words: cognitive, poetics, linguistics, metaphor, concept, emotions, love

Современная антропоцентрическая научная парадигма актуализирует исследование процессов восприятия и познания мира через призму человека, осознание им своей деятельности в идеальном и материальном аспектах. Познавательные процессы, в частности способность человека к мышлению, установлению закономерностей окружающего мира и анализу информации, обеспечили уникальность его статуса в эволюционном процессе. Способность мыслить, являясь исключительным

свойством человека разумного, провозглашена в фундаментальных основах западного рационализма. Рене Декарт обозначил истину, в которой невозможно усомниться: “Cogito, ergo sum” («Мыслю, следовательно, существую»), подразумевая существование человека как мыслящей, познающей и созерцающей свое мышление личности. Полагаясь на свой разум, человек размышляет об истинности своих знаний о себе, своей роли в социуме и взаимодействии с другими людьми, мире, его закономерностях. Рассуждая о развитии цивилизации, выдающийся современный философ Карл Поппер указывает на этот аспект следующим образом:

Именно твой разум делает тебя человеком, позволяет тебе быть чем-то большим, чем просто суммой потребностей и желаний, именно он делает из тебя самодостаточного индивида» (2009, 398).

Основываясь как на классических, так и прогрессивных постулатах философии и современных достижениях научной мысли, ведущую позицию в рамках антропоцентрической парадигмы занимает когнитивный подход, направленный на изучение способов познания мира, процессов мышления, хранения информации и ее обработки, образования структур знания и их репрезентации в сознании человека и языковых формах. Современный подход в рамках когнитивной психологии к мышлению, как указывает Р. Солсо, характеризуется следующими основными допущениями: мышление когнитивно и представляет собой процесс, при котором «в когнитивной системе происходит некоторая манипуляция знаниями; мышление направлено, и его результаты проявляются в поведении» (2001, 461).

Исследование художественных текстов в когнитивном аспекте началось сравнительно недавно, в течение последних десятилетий. Тогда это направление было обозначено термином *когнитивная поэтика*, введенное Р. Цур (1992), изучавшим восприятие читателем лирических текстов. Как отмечали Дж. Гавинс и Дж. Стин, развитие когнитивной поэтики привело к осознанию «литературы как формы познания и коммуникации»

(2003, 2), к обозначению «особого положения литературы, уходящего корнями в некоторые наиболее основополагающие, общие структуры и процессы человеческого познания и обработки опыта, давая нам возможность взаимодействовать с помощью особых художественных способов коммуникации» (2003, 2). Исследования структур и процессов восприятия и познания в когнитивном аспекте относятся к междисциплинарным исследованиям в области психологии, лингвистики, антропологии, информатики и других отраслях науки. Когнитивная поэтика, как указывали Дж. Броне и Дж. Вандаеле, «применяет принципы когнитивных наук к интерпретации литературных текстов» (2003, 424), и, по определению П. Стоквелла и Х. Гаррисон, представляет собой область науки, «изучающую тексты художественной литературы и чтение главным образом на основании когнитивной психологии и когнитивной лингвистики» (2014, 1).

В то же время необходимо отметить, что художественная литература, наряду с живописью, скульптурой, музыкой и другими направлениями, относится к видам искусства. В связи с этим, Х. Гаррисон и П. Стоквелл, называя когнитивную поэтику *наукой об искусстве*, пишут:

Литературное произведение представляет собой феноменальное явление для исследования, охватывающее не только лишь текст сам по себе или читателя, или же, собственно, чтение, но предстает в виде разноименного объекта, включающего взаимодействие обоих (2014, 2).

Такое взаимодействие относится к творческому познанию действительности, и поэтому исследования в области когнитивной поэтики предполагают применение знаний, полученных различными областями науки, включая историю, эстетику, социологию и др.

Как справедливо замечают П. Стоквелл и С. Харрисон,

центральным к этому пониманию отрасли науки является принятие во внимание стилистики в том, что любое описание, относящееся к чтению или интерпрета-

ция должны основываться на четких свидетельствах текста (2014, 1).

Метафора, являясь одной из наиболее распространенных разновидностей изобразительно-выразительных средств языка, относящихся к области интересов стилистики, в то же время представляет собой один из важнейших когнитивных механизмов, который, согласно утверждению А. Н. Баранова,

основан на обработке структур знаний – фреймов и сценариев, представляющих собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром (2008, 9).

Играя важную роль в формировании языковой системы, с одной стороны, метафора, с другой стороны, отражает процесс формирования и развития видения человеком окружающей действительности, самого себя в ней, отношений с другими людьми, знаний о мире. При метафоризации устанавливаются связи между концептами, относящимися к разным областям знания, происходит структурирование знания и, следовательно, познание окружающей действительности. Дж. Лакофф и М. Джонсон пришли к выводу о том, что

метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична (2008, 25).

Ученые указывают на то, что метафорические понятия структурируют повседневную деятельность человека:

Концепты, которые управляют нашим мышлением, - не просто порождение ума. Они влияют на нашу повседневную деятельность, вплоть до самых тривиальных деталей. Наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям (2008, 25).

Современные исследования метафоры продолжаются в семиотической, психологической и социальной сферах на языковом, мыслительном (познавательном)

и коммуникативном уровнях. Этот подход позволяет рассматривать в комплексе лингвистические формы, концептуальные структуры и коммуникативные функции метафоры как при индивидуальном, так и при совместном, разделяемом использовании метафор. По этому поводу Ф. Гонзалвез-Гарсия и другие ученые писали:

...идентификация метафоры с точки зрения семиотики отличается от идентификации метафоры в поведенческой аспекте, который рассматривает психологический или социальный процесс, включая реальных людей в реальном времени (2013, 47).

Тогда как семиотический подход к исследованию метафоры включает идентификацию классов различных знаков, символов, исследование их метафорической структуры, при психологическом или социальном подходах к исследованию, согласно Ф. Гонзалвез-Гарсия,

необходимо найти ответ на вопрос как метафора может быть идентифицирована в данных, относящихся к поведению, включая язык и процессы мышления, а также результаты этой деятельности, как и образцы коммуникационного взаимодействия (2013, 47).

Учитывая обозначенные выше общие методологические условия исследования метафор и следуя описанным Л. Камерон принципам лингвистического исследования, утверждающей, что

активация метафор с целью научного изучения требует от исследователя образования надлежащей теоретической структуры для определения и категоризации исследуемого явления, которая, распределив исследуемые данные, ведет к четкой схеме дальнейшего анализа (1999, 7),

мы рассмотрим метафору на теоретическом уровне, включающем идентификацию метафоры, категоризацию, рассматривающем цель ее создания, интерпретацию и роль в дискурсе, а также на уровне обработки, относящемся к активации концептов и структуризации концептуальных доменов посредством метафоры.

Принимая во внимание точку зрения Е. Семино о том, что

важным аспектом литературной интерпретации (и восприятия текста в целом) является построение *мира*, проецированного текстом, т.е. набора сценариев и типов реальности о которых повествует этот текст (2009, 42),

мы разделяем мнение о том, что созданная в художественных текстах метафора, отражающая квинтэссенцию мысли, может раскрыть паттерны, относящиеся к мышлению и, соответственно, поведению человека и групп людей.

Статья посвящена когнитивным аспектам метафоризации, связанной с процессом восприятия и концептуализации эмоций человека на материале художественного текста. В этом аспекте интерес вызывает исследование смыслового наполнения концепта ЛЮБОВЬ в романе Софии Андрухович *Феликс Австрия* и способов его лексической репрезентации, выявлению особенностей индивидуально-авторской картины мира и особенностей национальной специфики.

Как известно, каждый язык отражает как универсальные, так и специфические особенности национальной культуры, а человек создает и культуру, и язык. В этой связи изучение концептов как ментальных образований, имеющих культурно-специфическую основу, особенно актуально. Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий» (2004, 42-67). Следовательно, область чувств предоставляет изобильное поле для исследования базовых мыслительных единиц национального сознания.

А любовь, сосредоточение этих эмоций, симпатий и антипатий, наиболее интригующее и привлекательное эмоциональное состояние, невозможно обойти внима-

нием. Любовь, как обозначает К.Э. Изард, – «паттерн эмоций, драйвов и когнитивных процессов» (2009, 441), охватывая и чувственную, и мыслительную составляющую, передает эмоциональное состояние человека и является концептом, присущим любой культуре. Именно поэтому квант знаний о любви становится ценным объектом для исследования, направленного на выявление универсальных и национально-специфических особенностей.

Одним из лучших произведений современной украинской художественной литературы признан роман Софии Андрухович *Феликс Австрия*. Украинская писательница София Андрухович родилась в 1982 г. в городе Ивано-Франковск, называвшийся ранее Станиславов. Она является автором пяти прозаических произведений *Літо Мілені* (2002), (2003), *Жінки їхніх чоловіків* (2005), *Сьомга* (2007), *Фелікс Австрія* (2014), а также переводов с польского и английского языков. Роман *Феликс Австрія* стал победителем всеукраинской премии *Книга года BBC*, был отмечен *Форумом издателей* во Львове и премией *ЛитАкцент года*. В 2015 г. роман был награжден литературной премией имени Джозефа Конрада-Коженевского (Польша-Украина), премией фонда Леси и Петра Ковалевых (США) и литературной премией восточного партнерства. В 2016 г. роман был опубликован австрийским издательством Residenz Verlag в немецком переводе под названием *Der Papierjunge Бумажный мальчик* и в этом же году был издан в Польше и других странах.

Это роман о любви, во всех ее разновидностях и во всех ее проявлениях, с присущими ей переживаниями, радостью и болью. Художественный мир романа *Феликс Австрия* создан на фоне города Станиславова (в настоящее время – Ивано-Франковск), расположенного на просторах *счастливой Австрии* начала XX столетия. Действия романа разворачиваются в городе Станиславове и продолжаются в течение одного года. Тема близких, неразрывных взаимоотношений двух «таких разных, с разными судьбами, разным происхождением» и в то же время в так чем-то похожих (2017, 258) женщин Адели

и Стефы, судьбы которых тесно связаны «как два дерева, которые переплелись стволами» (2017, 57), раскрыта в тщательно переданной атмосфере эпохи, украшенной потомками мифами об идиллической жизни. Исследование концептуализации различных аспектов любви позволяет немного углубиться в таинство этого чувства и выявить тип поведения того, кто любит *слишком сильно* и способы выражения чувств в определенных обстоятельствах, обозначенных контекстом.

Адель и Стефа «как небо и земля» (2017, 28). Адель, дочь доктора и супруга скульптора,

бледная и полупрозрачная, с облаком русых волос, тонких, как пух, утонченная, как снежная бабка из взбитых сливок, витающая в мечтах, ранимая и тонкослезая» (2017, 28).

Уже в самом начале повествования выделяется еще одна из характерных особенностей Адели, – ее инфантильность.

Аделю хочется беречь, пеленать, как ребенка, кормить с серебряной ложечки. Хочется отбирать у нее из рук острые ножи, газовые лампы, тяжелые предметы. Хочется закрывать ее глаза и уши, когда происходит что-то такое, что может огорчить ее или напугать (2017, 28).

Стефа, главная героиня произведения, «жилистая, смуглая и быстрая, крепкая, как парень, совсем некрасивая» (2017, 28). Красивый у нее только волос: «блестящий, сильный и прямой, темный в тени, как кора дерева, на солнце вспыхивает медными искрами» (2017, 28). Именно от ее лица повествуется о событиях в художественном мире романа и читатель воспринимает художественную действительность через призму восприятия и осмысления главной героини произведения. И та же инфантильность, психологическая незрелость, присуща и Стефании и, как один из факторов, выражена в способности заняться своей собственной жизнью, своей судьбой.

Близость в отношениях девушек сформировалась потому, что они, спасенные в пожаре и потерявшие своих родных, выросли вместе, под одной крышей. Их вырос-

тил и воспитал отец Адели доктор Ангер. Они «не подруги, не сестры» (2017, 48) и «нет такого слова, что могло бы описать связь, которой мы сшиты» (2017, 48).

Это не родственная связь и не дружба, это – ЛЮБОВЬ, – один из ее аспектов, лежащий в основе близких взаимоотношений. Описывая свое чувство, Стефания утверждает: «Я детей иметь не хочу, и то никогда в жизни: мне есть кого любить, и любовь моя такая пламенная, как огонь, которого хватило на полгорода, когда пожар забрал наших с Аделей матерей. Моя любовь нераздельна, нерушима. Ее не хватит уже больше ни для кого (2017, 49).

Адель же находится в замешательстве, пытаясь объяснить привязанность во взаимоотношениях со Стефой: (2017, 48)

Все слишком запутано. Я не знаю, кто ты: сестра, служанка, мама, моя надсмотрщица?» Раскрывая значение сказанных слов, Адель не находит ответа: «Если ты служанка, Стефа, – продолжает она, – то почему я каждый раз думаю, прежде чем сказать тебе что-то, чтобы тебя не обидеть? Почему я боюсь того, что ты можешь подумать? Почему я боюсь тебя унижить» (2017, 274) <...> «Если ты сестра, то почему мы не делаем все вместе? Почему ты всегда высмеиваешь меня, стоит мне только намекнуть на домашнюю работу? Почему, если ты сестра, ты всегда подчеркиваешь, что я – госпожа, а ты моя покорная служанка?» (2017, 274) «Вот и вышло – моя служанка на меня сердится. Потому что я влюбилась и хочу выйти замуж. И поэтому целый месяц кормит меня салатом из репы, которую я ненавижу. И я послушно ем эту репу, и даже боюсь слово против этого сказать, потому что мы с моей сестрицей вместе выросли и видели сны друг друга» (2017, 275).

Петр, возлюбленный муж Адели, также горячо любящий свою жену, возлагает ответственность за эти взаимоотношения девушек на отца Адели:

Говорил, что в большей мере виноват отец. Он бросил нас с тобой одну на одну, и мы не знали, что с собой делать (2017, 274).

Эта мысль подтверждается в последнем предсмертном письме доктора Ангера, раскаивавшегося в том, что пожалел это «бедное, оторванное от любви создание» (2017, 256), подавшись неосмысленному порыву «своей слабости и человеческого эгоизма» (2017, 257). В поступке доктора было что-то от «жалости к себе» (2017, 257). Занят медицинской практикой он оставил и предоставил их самим себе и они, такие разные, «мягкие, податливые и неразумные, пустили корни друг в друга, как в мягкую благодатную почву. Сплелись стволами» (2017, 258).

Анализ художественного текста позволяет выделить концептуальные метафоры, объясняющие описанные в произведении аспекты ЛЮБВИ, лежащие в основе взаимоотношений.

В результате проведения идентификации концептов в художественном тексте и их категоризации, согласно указанной выше методике, выявлены метафорические концепты, цели и логика формирования которых изложены ниже. В рамках этой статьи мы рассмотрим три концептуальные метафоры, раскрывающие некоторые грани сложного концепта ЛЮБОВЬ.

Лингвокогнитивный подход, основанный на исследовании соотношения семантики языка с концептосферой народа, позволяет изучать концептосферу, отслеживая как универсальные, так и специфические национальные особенности ментальности через семантику языковых знаков. Как отмечали З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, 19), «исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц». Значение, являясь единицей семантического пространства языка, которая закреплена языковым знаком для коммуникации, в то же время есть частью концепта, представляющего собой мыслительную единицу. Таким образом, лингвокогнитивный анализ позволяет

произвести когнитивную интерпретацию результатов исследования и выяснить, как именно происходит активация концепта во взаимодействии индивидуумов, учитывая социокультурную среду в метафорическом языковом дискурсе. В этой статье будут рассмотрены только значения лексем, объективирующих концепты-источники и входящих в состав ядра концепта.

Обращение к историческим и современным данным способствует формированию более четкого представления о социокультурной среде как оси системы координат художественного мира, созданного автором. Так, согласно переписи населения Станиславова, в 1900 году население города состояло из 30 410 человек, из них 23 319 человек говорили на польском, 4 071 на украинском, 2 265 на немецком, и 485 человек говорили на других языках. В настоящее время в городе Ивано-Франковск проживает приблизительно 231 тысяча человек и 95% горожан говорят на украинском языке. Поэтому для анализа единиц семантического пространства языка, объективирующих анализируемые концепты, будут использованы данные Большого толкового словаря современного украинского языка.

Известно, что в результате взаимодействия структур знаний *источника* и *цели* происходит метафоризация. Следовательно, необходимо проанализировать значения лексемы, репрезентующей структуру концепта-источника СЛУЖЕНИЕ для отслеживания структур концепта-источника, использованных в процессе когнитивной обработки данных для формирования одной из граней сложной многогранной структуры концепта-цели ЛЮБОВЬ.

Современная тенденция к схематическому представлению метафоры по формуле *A – это B* связана с концентрацией внимания на обнаружении знаний, формирующих структуру концептов.

1. Анализ метафоры ЛЮБОВЬ – это СЛУЖЕНИЕ

Служение одного человека другому, тому, к которому первый испытывает это прекрасное чувство – и есть ЛЮБОВЬ, одно из ее проявлений. Именно так понимает

любовь Стефания, не умеющая, вернее, не наученная выражать свои чувства по-другому. Единственное, что умеет девушка – это служить своим господам. Она обслуживает свою госпожу со всей старательностью, «так смиренно и покорно, как будто бы все существо мое состоит из одного лишь служения» (2017, 49). Помимо бесконечной работы по дому, с которой мастерски справляется, Стефания ухаживает за Аделью, которой «короной» укладывает волосы, меняет «мокрую от слез пошивку» (2017, 49), делает «компрессы из холодного огуречного сока, чтобы снять опухлость лица» (2017, 49), выжимает сок из сырого мяса и, приправив его яичным желтком, запекает голубей, «которые добавляют сил малокровным» (2017, 274), и выполняет огромное множество других дел, выражая таким образом свои чувства.

Мастерство главной героини в кулинарии непревзойденно. Богатство выбора кулинарных шедевров на любой вкус, таких как неаполитанская зупа с пармезаном, пляцки, голубцы, салат зеленый по-французски, печеные помидоры, трюфеля, вареные на мадейре, канапки, каляфиоры под соусом бешамель, фаршированная бульба, венский розбратель, шинка, паштеты, ванильное молочное щодо, шоколадная галярета, торты, цитрусовое мороженое и других изделий, передает вкус и уютную атмосферу счастливой Австрии и счастливого Станислава. Стефания готовит так, «как не снилось даже Францу Захеру в его ресторации в Вене, на углу Вайхбурггасе и Рауенштайнгасе» (2017, 239). Едой, в приготовление которой вложено столько любви, души, всей своей сущности, она кормит тех, кого любит:

Когда же угощаю своей едой Аделью и Петра или еще кого-то – то и сама становлюсь ароматной, как жареный чеснок, сочной и соленой, как вырезка, острой, как перец, нежной, как молочный пудинг, жирной и сытной, как запеченная утка. Отдаю себя – и отдала бы без остатка. Только бы ели. Потому что, если не едят, то становится тяжело и горько: не хотят меня, пренебрегают (2017, 186).

Стефания влюбляется в священника и точно так же, как заботилась о докторе, который ее приютил, опекает

и ухаживает за дочерью доктора, начинает служить священнику:

Я повторяю ему то, что он говорил мне как-то: о служении Богу и о служении человеку. Говорю, что не умею делать ничего другого, кроме как выдраивать полы и окна, чистить кухонное серебро и готовить еду. Говорю, что это, конечно, смешно - приходиться с таким к Богу. Что он меня, наверное, и не замечает. Но что же делать, отче? Чем же еще я могла бы служить ему? (2017, 236).

На основе событий, повествуемых в художественном произведении, можно сделать вывод о том, что девушка, которую «воспитали служанкой» (2017, 238), та маленькая девочка, которая «ходила с корзинкой на рынок, чтобы кормить своих господ» (2017, 274), может выразить свою любовь к тем, кто когда-то поделился с ней теплом, только СЛУЖЕНИЕМ.

В Большом толковом словаре современного украинского языка лексема СЛУЖЕНИЕ имеет лексические значения, соответствующие значениям 3-5 лексемы СЛУЖИТЬ: 3. Исполнять какие-либо обязанности в отношении кого-то, исполнять что-либо, подчиняясь чьей-то власти, желанию и т.д. // Выполнять какие – либо услуги, быть готовым исполнить чьи-либо желания, просьбы и т.д., // используется также в сочетании со словом угождать. Работать, стараясь предусмотрительно исполнять чьи-либо пожелания. *Служить верой и правдой. Чем могу (можем) служить?* – форма вежливого официального предложения своих услуг. 4. Работать в пользу кого-, чего-нибудь, во имя кого-то, чего-то // Быть преданным, верным чему-нибудь, какому-то делу. 5. Быть полезным кому –, чему-нибудь // Воздействовать каким-то образом на кого-то, что-то. // Пригодиться, быть нужным для кого-то, чего-то. // Быть применимым с пользой для кого-нибудь, чего-нибудь, быть использованным кем-то с какой-либо целью.

В результате лингвистического анализа значений, выявлено абсолютное соответствие значений лексемы, репрезентующей концепт СЛУЖЕНИЕ с элементами мышления героини, которые выражены в языковом дискурсе художе-

ственного мира произведения. Перенесение структур знаний концепта-источника СЛУЖЕНИЕ на структуры концепта-цели ЛЮБОВЬ образует концептуальную метафорическую связь ЛЮБОВЬ – СЛУЖЕНИЕ. Эта связь, образованная вследствие возложенного героиней на саму себя обещания, мысленно данном отцу Адели в его последний час, и есть когнитивным механизмом, управляющий поведением Стефании в отношении Адели и не позволяющий ей строить свою собственную жизнь. Таким образом, активация концепта, выраженная в речи и поведении, происходит при взаимоотношении индивидов в их социокультурной среде.

2. Анализ метафоры ЛЮБОВЬ – это ЗАПАДНЯ

Эта неразрывная связь «сестер с одним сердцем, желудком и печенью на двоих» (2017, 185), возникшая очень давно, «еще от сотворения мира», (2017, 37) не дает «ни жить, ни дышать, ни остаться, ни уйти». Сплетенные деревья – концептуальная схема этой связи, образ, который может интерпретироваться совершенно по-другому: «когда деревья сплетаются стволами, они не дают расти друг другу», (2017, 137) – как объясняет Стефании священник Иосиф, – «Думаю, доктор Ангер имел именно это в виду» (2017, 137).

Несмотря на то, что Адели известно пожелание отца, она не предпринимает никаких шагов для того, чтобы выбраться из ловушки, в которую завела эта тесная связь.

Аделя перед сном прибежала ко мне вся в слезах. Долго не хотела рассказывать, что случилось. Я прижимала ее к себе, держала за плечи, пока ее трясло, как одержимую – и чувствовала, что сквозь мои ладони, осторожно касающиеся ее спины, проходит страшная сила, какая-то жгучая молния (2017: 89).

на опять задрожала, слезы брызнули, как выдавленный лимонный сок. Он хочет найти для меня комнату, говорит, что будет платить за нее, даже разговаривал с некоторыми владельцами (2017, 94).

Лексема ЗАПАДНЯ охватывает следующие значения: 1. Ловушка или другое приспособление для ловли зверей, птиц. // *перен.* Безвыходное и опасное положение, в которое попадает кто-нибудь вследствие определенных, обычно хитрых, коварных действий кого-либо.

2. *Диал.* Пропасть

Лингвокогнитивный анализ свидетельствует о том, что одним из аспектов концепта, репрезентуемого лексемой ЛЮБОВЬ является ЗАПАДНЯ, опасная ловушка, пропасть из которой не выбраться. И эта связь ЛЮБОВЬ – ЗАПАДНЯ не отпустила бы Стефанию, даже если она бы уехала в Новый Мир; ее любовь достигла бы Адель через людей «напоенных моей любовью» (2017, 277).

3. Анализ метафоры ЛЮБОВЬ – это ИЛЛЮЗИЯ

Пренебрежение и невнимание вызывают боль и обиду: «что же он проходит около меня так, будто сквозь пустое место» (2017, 56), но Стефания, помня о своем обещании доктору Ангеру, остается и продолжает заботиться о семье, в которой живет:

Какая же никудышная у меня натура! Вместо того, чтобы податься куда глаза глядят – в монастырь, в компаньонки к какой-нибудь пожилой госпоже или на другую службу – я бесконечно терплю эти унижения, пережевываю свой боль и жмусь по углам, как в сотый раз избитая собака, которая облизывает руку хозяину. Но как я уйду? Как я покину Аделю? Ведь она пропадет без меня! (2017, 57).

После разговора с Адель и прочтения письма доктора, Стефания осознает обман, в котором она жила, и понимает, что «люди хотят видеть то, что сами хотят увидеть.» (2017, 278) Убедив себя в том, что доктор и Адель любят ее, Стефа «сама себе стала иллюзионистом, который вводит в обман, и публикой, которая охотно поддается гипнозу» (2017, 278). Их ЛЮБОВЬ оказалась ИЛЛЮЗИЕЙ. И тем не менее Стефания верит, что ее любовь к Адель – «надежная, неизменная, вечная. Вечная и нерушимая, как Австро-Венгерская империя» (2017, 278).

Значения лексемы ИЛЛЮЗИЯ: 1. Обманчивое, ошибочное восприятие действительности: ошибочное

представление о чем-либо. // Необоснованная надежда, неосуществимая мечта. 2. Программный номер иллюзиониста.

Согласно анализу, иногда ЛЮБОВЬ, вследствие обманчивого восприятия действительности, может оказаться только ИЛЛЮЗИЕЙ, а необоснованные надежды послужить причиной опрометчивых действий, которые обычно приводят к фатальному финалу. Программный номер иллюзиониста может быть только на сцене, в мире, созданном произведением, обе героини погибают в пожаре.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о метафоричности концепта и демонстрируют, как концепты структурируют повседневную деятельность человека. Так, взаимодействие различных когнитивных структур знаний ведет к метафорической проекции, выявляемой на уровне семантики языковых знаков.

Метафорическая репрезентация концепта в языке предполагает не только ряд сопутствующих выражений, но и определение человеком своей роли в социуме и, соответственно, принятие им определенных решений о своем взаимодействии с другими людьми. Ведь «мы действуем так, как понимаем» (2008, 27). Следовательно, поведение человека тесно связано с процессами метафорического мышления. Действия индивида основаны не на состоянии возбуждения, вызванного определенным событием или эмоцией, а на его интерпретации этих событий и эмоций, раскрывающейся в процессе анализа концептуальных метафор. В свою очередь, яркие примеры концептуальных метафор представлены в художественной литературе.

Библиография:

- Андрухович, С.Ю. *Фелікс Австрія*. 2017. Львів: Видавництво Старого Лева, 288.
- Brône, G. and Vandaele. 2009. *J. Cognitive Poetics: Goals, Gains, and Gaps*. Mouton de Gruyter / Berlin New York, VIII, 569.

- Бусел, В. Т. 2009. *Великий тлумачний словник сучасної української мови*. Київ, Ірпінь: ВТФ «Перун», 1736.
- Gavins, J. and Steen, G. (eds.) 2003 *Cognitive Poetics in Practice*. London/New York: Routledge, 188.
- Изард, К.Э. 2009. *Психология эмоций*. Санкт-Петербург: Питер, 464.
- Cameron, L. and Low, G. 1999. *Researching and Applying Metaphor*. Cambridge University Press, UK, 295.
- Лакофф, Дж. и Джонсон, М. *Метафоры, которыми мы живем*: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е. 2008. Москва: Издательство ЛКИ, 256.
- Менив, А. В: *Газета Галицкий корреспондент* от 23.02.16. Режим доступа: [<http://gk-press.if.ua/stanomna-2016-rik-naselennya-ivano-frankivsku-stanovyt-231-tys-osib>]
- Нуркова, В.В. и Березанская, Н.Б. *Психология*. 2009. Москва: Высшее образование, Юрайт-Издат, 575.
- Попова, З.Д. и Стернин, И.А. 2007 *Когнитивная лингвистика*. Москва: Аст: Восток – Запад, 314.
- Солсо, Р. 2011. *Когнитивная психология*. Санкт-Петербург: Питер, 589 с.
- Степанов, Ю. С. 2004 *Константы: Словарь русской культуры*: 3-е изд. Москва: Академический проект.
- Центр городской истории Центрально-Восточной Европы*. Режим доступа:
[<http://www.lvivcenter.org/uk/umd/mapdetails/plan-miasta-stanislawowa-1904>]
- Francisco Gonzalvez-Garcia, Maria Sandra Pera Cervel, Lorena Perez Hernandez. 2013. *Metaphor and Metonymy revisited beyond the Contemporary Theory of Metaphor*. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam /Philadelphia, 317.
- Harrison, C. and Stockwell, P. 2014. “Cognitive Poetics.” [in:] J. Littlemore and J.R. Taylor (Eds). *The Bloomsbury*

Companion to Cognitive Linguistics. London: Bloomsbury, 218-233.

Oksana Tazdziemir
Doğa Koleji - Özel Doğu Ataşehir Doğa Ortaokulu
Ataşehir Bulv. 3, Cad. No. 6, Ataşehir 34758, Istanbul, Turkey
E-mail: iren.tasdemir@gmail.com